

The background of the entire image is a dark, atmospheric photograph of a snowy night. A brick wall is visible, with a single window glowing with a warm, yellow light. Snow is falling or has accumulated on the ground and the wall. In the foreground, a concrete block with red-painted text and a piece of paper with a grid are on the snow-covered ground.

Михаил Седов

КАБЕЛЬ
НЕ КОПАТЬ!

КООПЕРАТИВ
«СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР»

Михаил Седов

Кооператив «Северный ветер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72774469

SelfPub; 2025

Аннотация

Москва, 1993 год. Эпоха рухнувших идеалов и безграничных, но смертельно опасных возможностей. В мутной воде нового времени, где вчерашние соседи становятся врагами, а законы переписываются на крови, серия жестоких, но внешне не связанных смертей не вызывает особого удивления. Разбой, пьяная поножовщина, несчастный случай – обыденная хроника криминальной столицы. Но для капитана МУРа Арсения Павлова, человека старой закалки, пытающегося найти логику в охватившем страну хаосе, эти смерти складываются в зловещий узор...

Содержание

Холодный асфальт ноября	4
Пыльные папки прошлого	14
Разговор вполголоса	23
Водка с привкусом смерти	35
Шепот напуганных стен	47
Малиновый пиджак и старая обида	60
Звонок из ниоткуда	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Михаил Седов

Кооператив

«Северный ветер»

Холодный асфальт ноября

Ноябрь выдохнул на Москву гнилостным, подвальным холодом. Он пробирался под воротник потертой кожаной куртки, лез в рукава, заставлял зябко поводить плечами. Арсений Павлов смотрел на размытые огни встречных машин, на мокрый асфальт, в котором они отражались маслянистыми, дрожащими змеями, и думал, что этот город окончательно заболел. Лихорадка. Температура под сорок, бред, судороги. И он, капитан Павлов, не врач, а скорее санитар в морге, привычно регистрирующий симптомы, которые уже никого не удивляют.

Служебная «Волга» натужно ревела, переваливаясь через ухабы, которых на окраинных улицах было больше, чем ровного места. Дворники скребли по стеклу, размазывая грязь и морось в мутную пелену. Сквозь треск радиации пробивался гнусавый голос дежурного, повторявший адрес, будто боясь, что Павлов забудет, куда едет хоронить свой очередной вечер. Он не забудет. Эти адреса вьедались в память, как сажа

в кожу.

Арка типовой панельной девятиэтажки. Черный зев, из которого несло сыростью и мочой. Сине-красные всполохи мигалки рвали темноту, выхватывая из нее куски обшарпанной стены, обледеневшую скамейку, раскисший газон, больше похожий на грязевое болото. Уже на подходе Павлов увидел их – две фигуры в милицеевских бушлатах, топчущихся на месте, и молодого лейтенанта, который курил, пряча сигарету в ладони. Увидев капитана, он выпрямился, отбросил окурок.

– Здравия желаю, товарищ капитан. Он там, за мусорными баками.

Павлов кивнул, не сбавляя шага. Воздух стал гуще, к запаху прелой листвы и гнили примешался еще один, сладковатый, тошнотворный. Запах несвежего мяса, которому когда-то принадлежало человеческое имя.

Он лежал на боку, неестественно подогнув ноги, будто пытался согреться в последнюю свою минуту. Лицом к бетонной стене контейнерной площадки, исписанной нецензурщиной и названиями музыкальных групп. Невысокий, полноватый мужчина в дорогом, но уже измазанном в грязи кашемировом пальто. Одна из его лакированных туфель слетела и валялась рядом, сиротливо поблескивая в свете фонаря.

– Что имеем? – голос Павлова прозвучал глухо и бесцветно.

– Обнаружила дворничиха, в семь утра, – отрапортовал

лейтенант. – Документов нет. Карманы вывернуты. Предварительно – ограбление. Голову ему проломили, похоже. Вон, у стены, кирпич в крови.

Павлов присел на корточки, стараясь не касаться ничего лишнего. Фонарик в его руке выхватил из темноты детали. Запекшаяся кровь на редких, прилипших к бетону волосах. Широко открытый, остекленевший глаз, в котором застыло недоумение. Рот приоткрыт, словно для последнего, так и не сорвавшегося с губ вопроса. Типичная картина. Жертва «гоп-стопа». Какой-нибудь коммерс, возвращавшийся домой навеселе. Таких сейчас по городу – десятки в неделю. Дело закроют через месяц как «глухарь». Начальство довольно, статистика не испорчена.

Он медленно обвел лучом фонарика тело. Пальто распахнуто. Под ним – добротный костюм, белая рубашка залита кровью. Карманы брюк и пиджака действительно были вывернуты наружу белесой подкладкой. Бумажника нет, ключей нет, документов нет. Все сходилось. Но взгляд Павлова зацепился за левое запястье жертвы. На нем тускло блеснули золото и сталь. Он осторожно, кончиком ручки, приподнял манжету рубашки. Массивные швейцарские часы. «Longines». Такие стоили, как подержанные «Жигули».

– Лейтенант, – позвал он, не оборачиваясь.

– Я здесь, товарищ капитан.

– Твои грабители – эстеты? Или просто в часах не разбираются?

Лейтенант подошел ближе, посветил своим фонарем.

– Ничего себе... Может, не заметили в темноте?

Павлов хмыкнул. Не заметить такую вещь было невозможно. Она кричала о деньгах громче любого бумажника. Наркоман сорвал бы их в первую очередь, даже не снимая, а просто выламывая с руки. Пьяная шпана тоже не побрезговала бы. А здесь – аккуратно оставлены на трупе. Это была первая трещина в гладкой, удобной версии ограбления. Первая фальшивая нота в похоронном марше.

– Эксперт был?

– Да, Петренко. Уже закончил. Сказал, все стандартно. Отпечатки если и были, то смыло дождем. Собирает инструменты.

Павлов поднялся. Спина заняла тупой, привычной болью. Он подошел к молодому парню в штатском, который укладывал в чемоданчик кисточки и баночки с порошком.

– Сережа, что скажешь?

Петренко, криминалист с дипломом, который еще пах типографской краской, и с вечным энтузиазмом неопита, вскинул на него глаза.

– Арсений Юрьевич, добрый вечер. Ну что сказать... Удар по затылочной части тяжелым тупым предметом. Скорее всего, вот тем кирпичом. Смерть наступила мгновенно, я думаю. Борьбы особой не было. Подкрались сзади, ударили, обшмонали и ушли. Классика жанра.

– Классика, говоришь? – Павлов достал пачку «Примы»,

выбил одну сигарету, прикурил от дешевой зажигалки. Горький дым обжег горло. – А часы на руке – это из какой оперы?

Петренко пожал плечами, пряча взгляд. Ему хотелось поскорее закрыть дело и уехать в теплую постель, а не разгадывать ребусы этого уставшего капитана, вечно ищущего черную кошку в темной комнате.

– Может, торопились. Спугнул кто. Всякое бывает.

Павлов ничего не ответил. Он снова подошел к телу. Взгляд скользил по деталям, которые мозг фиксировал автоматически, как бесстрастная фотопластинка. Дорогие туфли, не по погоде. Слишком чистые для этой грязи, если не считать той, в которой он теперь лежал. Значит, шел от машины. Машины поблизости не было. Наверное, отогнали. Но туфли... Одна подошва была стерта сбоку, как будто его не вели, а тащили. Недолго, метра два-три. Из арки сюда, за баки, чтобы скрыть от случайных глаз.

Он снова присел. Под краем пальто, у самой земли, что-то белело. Маленький бумажный комочек. Павлов аккуратно подцепил его пинцетом из кармана и развернул на ладони. Это был уголок лотерейного билета. Старого, еще советского образца. С одной стороны – цифры, с другой – обрывок рекламного слогана: «...ранит ваше благо...». Хранит ваше благосостояние. Он усмехнулся своим мыслям. Мертвецу это благосостояние уже ни к чему. Но зачем носить в кармане дорогого пальто этот мусор?

– Личность установили? – спросил он у лейтенанта, кото-

рый уже откровенно замерз и переминался с ноги на ногу.

— Опросили жильцов, никто его не опознал. Не из этого дома, точно.

— Ладно, — Павлов аккуратно положил обрывок билета в пакетик для улики. — Оформляйте. Я поднимусь, поговорю с той, что нашла. Дворничихой.

Квартира дворничихи, тети Маши, встретила его густым запахом вареной капусты и корвалола. Пожилая женщина в застиранном халате, испуганная и словоохотливая, рассказывала одно и то же. Вышла в семь подметать, увидела ноги, испугалась, закричала, позвала соседа. Ничего подозрительного ночью не слышала. Да и кто сейчас что слушает? Стреляют через день, уже не оборачиваешься.

Павлов слушал вполуха, механически кивая. Его мозг уже работал в другом направлении, прокручивая детали: дорогие часы, стертая подошва, старый лотерейный билет. Это не было похоже на хаотичное насилие улицы. Это пахло чем-то другим. Чем-то продуманным, холодным и личным. В этом убийстве был свой уродливый почерк, который пока состоял из одних только клякс и недомолвок.

Вернувшись на Петровку, он прошел по гулким, пустынным коридорам в свой кабинет. Маленькая комната, где пахло бумажной пылью, табаком и безысходностью. Стол, заваленный папками. Два стула. Шкаф, дверца которого держалась на честном слове. За окном — серое небо, готовое в любой момент разразиться то ли дождем, то ли снегом. Москва

хмурилась, как больной, которому не становится лучше.

Через два часа позвонили из морга. В подкладке пиджака убитого патологоанатом нашел тщательно зашитый кармашек. В нем – паспорт. Фомин Леонид Борисович, сорока трех лет от роду, прописан в другом районе.

Фомин. Фамилия показалась смутно знакомой. Павлов полез в свой личный архив – старую картонную коробку, куда он сваливал материалы по делам, которые не давали ему покоя. Он перебирал пожелтевшие листки, протоколы, вырезки. Наконец, на самом дне, он нашел то, что искал. Тоненькая папка с надписью «Кооператив "Северный ветер"». Дело о мошенничестве, возбужденное в девяностом году и тихо умершее за отсутствием состава преступления. Он открыл папку. Список учредителей. Четыре фамилии. И второй в этом списке был он. Фомин Леонид Борисович.

Павлов откинулся на спинку скрипучего стула. Вот оно. Ниточка. Тонкая, почти невидимая, но она вела не на улицу, к безымянной шпане, а в прошлое. В последние годы Союза, в эпоху первых кооперативов – мутную воду, где ловилась самая разная рыба. «Северный ветер». Красивое название. От него веяло романтикой и холодом.

Он снова посмотрел на список. Четыре человека, решившие вместе делать деньги в стране, где само это слово еще недавно было ругательным. Что они делали? По документам – «консультационные услуги и внедрение инновационных технологий». На деле, как помнил Павлов, это была обыч-

ная контора по перекачке государственных средств в частные карманы. Типичная история для того времени. Кооператив просуществовал около года, а потом его участники разбежались, тихо поделив или не поделив прибыль. И вот, три года спустя, одного из них находят в подворотне с проломленной головой.

Совпадение? Павлов в совпадения не верил. В его мире, пропитанном ложью и насилием, у всего была причина. Уродливая, эгоистичная, но причина. И часы на руке убитого теперь обретали смысл. Это было послание. Не для милиции, нет. Для кого-то другого. «Дело не в деньгах», – как бы говорил убийца. – «Дело в чем-то ином».

Он налил в щербатую кружку остывший чай, похожий по цвету на коньяк. Холодный асфальт ноября. На нем остался лежать человек, который был частью какой-то старой истории. И кто-то решил эту историю переписать, вымарав из нее одно имя. А может, и не одно.

Павлов снова взял в руки список. Четыре фамилии. Минус одна. Осталось три. Он обвел их карандашом, превратив в мишени. Белов Григорий, Крайнов Семен, Артамонов Николай. Где они сейчас? Что с ними стало? И кто из них следующий? Или, может быть, кто-то из них и есть тот, кто держит в руках окровавленный кирпич?

На столе зазвонил телефон. Резкий, дребезжащий звук вырвал его из размышлений.

– Павлов, слушаю.

– Арсений Юрьевич, это Кузнецов. Ты чего там возишься? У тебя «висяк» по Фомину. Обычный уличный грабеж. Закрывай предварилровку и передавай в районный отдел, пусть они там развлекаются. У нас тут серьезные дела.

Голос майора Кузнецова, его прямого начальника, был полон металла и начальственной усталости. Ему нужны были показатели, раскрываемость, а не капитаны-философы.

– погоди, Михалыч, – сказал Павлов, глядя на список. – Тут не все так просто. Покойный был учредителем одного кооператива...

– Какого еще кооператива? – раздраженно перебил Кузнецов. – Арсений, не выдумывай. Девяносто третий год на дворе. У нас пол-Москвы – бывшие учредители. Все друг друга кинули, перекинули и забыли. Нет здесь никакого дела. Кирпич, кошелек, труп. Все. Конец истории.

Павлов молчал, сжимая трубку. Он мог бы поспорить, рассказать про часы, про лотерейный билет. Но это было бы бесполезно. Кузнецов видел то, что хотел видеть. Простую схему, которая идеально укладывалась в отчет.

– Я понял, товарищ майор, – тихо сказал он.

– Вот и хорошо. Жду рапорт у себя на столе к утру.

В трубке раздались короткие гудки. Павлов нехотя положил ее на рычаг. Конец истории. Для Кузнецова – да. Но для него самого все только начиналось. Он чувствовал это так же ясно, как холод, идущий от оконного стекла. Это было не просто убийство. Это была первая упавшая костяшка доми-

но в длинном, тщательно выстроенном ряду. И где-то там, в темноте, невидимая рука уже заносила палец над следующей.

Он встал, подошел к окну. Внизу, на мокрой, блестящей от фонарей улице, текла обычная ночная жизнь столицы. Редкие машины, запоздалые прохожие. Город жил, переваривая свои трагедии, не замечая их, как гигантский организм не замечает гибели одной-единственной клетки. Но Павлов заметил. И он не мог просто составить рапорт и забыть. Это было выше его сил.

Он вернулся к столу, отодвинул папку с делом Фомина и положил перед собой чистый лист бумаги. Сверху он написал три фамилии: Белов, Крайнов, Артамонов. И еще одну, четвертую, которая в архивном деле шла последней, с пометкой «без доли в уставном капитале, технический специалист». Орлов Вадим Петрович. Просто инженер, скромный «мозговой центр», как было указано в характеристике.

Павлов посмотрел на эти имена. Где-то среди них прятался ответ. Или убийца. Или следующая жертва. Он взял телефонный справочник. Пора было нанести несколько визитов. Северный ветер уже начал дуть, и нужно было понять, откуда и с какой силой.

Пыльные папки прошлого

Рапорт Кузнецову, написанный сухим, безликим языком, лег на стол начальника еще до рассвета. Формальность была соблюдена. Павлов отчитался о «глухаре», рекомендовав передать материалы в районный отдел. Он солгал, не моргнув глазом, и не почувствовал ни малейшего укола совести. Совесть в его работе была непозволительной роскошью, вроде личного шофера. Она мешала дышать. Ложь же была инструментом, таким же, как табельный «Макаров» в кобуре под мышкой: применять следовало редко, без удовольствия, но с максимальной эффективностью.

Утром он спустился в преисподнюю. Так сыщики между собой называли ведомственный архив, располагавшийся в подвальном этаже старого крыла здания. Здесь воздух был спертый и неподвижным, пахнущим тлением бумаги и мышинным пометом. Единственная тусклая лампочка под потолком, забранная в проволочную сетку, едва разгоняла мрак, заставляя тени сгущаться по углам, где громоздились картонные бастионы списанных дел. В этом бумажном склепе царила Зинаида Марковна, женщина без возраста, с пучком седых волос на затылке и лицом, похожим на печеное яблоко. Она была хранительницей мертвых историй, и ее владениям полагалось трепетать.

– Дело номер девятьсот семь-дробь-девяносто, – произ-

нес Павлов, протягивая ей требование. Голос его прозвучал в оглушающей тишине неуместно громко.

Зинаида Марковна смерила его взглядом поверх очков в роговой оправе. Взгляд этот не обещал ничего хорошего. Он говорил, что капитан Павлов нарушил ее утренний покой, отвлек от разгадывания кроссворда и вообще является чужеродным элементом в ее упорядоченном мире пыли.

– «Кооператив "Северный ветер"», – прочитала она по слогам, будто пробовала на вкус незнакомое слово. – Что же вам там понадобилось, Арсений Юрьевич? Дело закрыто три года назад. За отсутствием.

– Понадобилось, Зинаида Марковна, – терпеливо ответил Павлов. Он знал, что со штурма эту крепость не взять. Только осадой. – Новое обстоятельство возникло.

Она поджала губы, но подчинилась. Скрипнув стулом, архивариус удалилась вглубь стеллажей. Ее шаркающие шаги затихли в лабиринте папок. Павлов ждал, вдыхая затхлый воздух, и чувствовал себя археологом, который стоит на пороге гробницы, не зная, найдет ли он там сокровища или лишь прах и проклятие. Через десять минут Зинаида Марковна вернулась, неся перед собой тонкую, но пухлую папку, перевязанную выцветшими тесемками. Она положила ее на стойку с таким видом, будто передавала ему государственную тайну.

– Только здесь. Выносить запрещено. И чтобы все листы на место вернули. Я их все по счету знаю.

Павлов кивнул, взял папку и прошел к единственному столу, освещенному косым лучом из-за решетки на подвальном окне. Пылинки плясали в этом луче, как крошечные духи забытых преступлений. Он развязал тесемки. Первый же документ дохнул на него духом той странной, ушедшей эпохи. Устав кооператива, отпечатанный на машинке с выбитой буквой «д».

Он погрузился в чтение. Сухие, казенные строки, как кости скелета, постепенно обрастали мясом. Вот протокол учредительного собрания от мая 1989 года. Четыре фамилии, четыре подписи, размашистые и полные надежд. Фомин, Белов, Крайнов, Артамонов. Цели и задачи: «Содействие научно-техническому прогрессу», «Разработка и внедрение передовых технологий в народное хозяйство». Красивые слова, за которыми, как он знал, почти всегда скрывалось что-то простое и циничное. Уставной капитал – десять тысяч рублей. По тем временам – целое состояние. Откуда у простого бухгалтера Крайнова, инженера Фомина, бывшего снабженца Белова и отставного прапорщика Артамонова такие деньги? В деле ответа не было. Первая загадка.

Дальше шли финансовые отчеты, договоры, акты выполненных работ. Первые полгода кооператив действительно занимался чем-то, похожим на заявленную деятельность. Консультировали какие-то заводы, поставляли детали для вычислительных машин. Деньги текли рекой. Павлов листал страницы, и перед ним разворачивалась классическая исто-

рия успеха времен «перестройки». Люди, почуявшие ветер перемен, сумевшие оседлать волну. Их подписи на документах становились все увереннее, аппетиты росли. Вот договор на аренду нескольких помещений в заброшенном НИИ на окраине города. Вот закупка импортного оборудования.

А потом что-то изменилось. Примерно через год тональность документов стала другой. Из них исчез «научно-технический прогресс», зато появились новые, короткие формулировки. «Посреднические услуги». «Обеспечение безопасности грузов». Последнее особенно привлекло его внимание. Он нашел несколько договоров с фирмой-однодневкой «Бастион». Суммы в них были астрономические. Павлов знал, что означали такие формулировки. Это был легализованный рэкет. Кооператив попал под чью-то «крышу». Или, что вероятнее, сам стал этой «крышей» для других, делясь с более серьезными людьми.

Он нашел в материалах допроса двухлетней давности показания одного коммерсанта, которого «Северный ветер» «кинул» на крупную партию компьютеров. Тот, заикаясь от страха, упоминал некоего «Графа», криминального авторитета, который якобы стоял за кооператорами. Это объясняло многое. Стремительный взлет, большие деньги, а затем — неизбежный финал.

Финал был прописан на последних страницах. Резкое падение оборотов. Протокол о ликвидации кооператива. Акт о списании имущества в связи с «невозможностью дальнейше-

го использования». Все оборудование, все активы – все испарилось, превратилось в пыль, такую же, как та, что покрывала эту папку. Деньги исчезли. Партнеры разбежались. Судя по датам, это случилось как раз после того, как милиция заинтересовалась их деятельностью. Дело возбудили, помусолили пару месяцев и закрыли. «Графа» так и не допросили – он вовремя «уехал на лечение». Кооператоры дали согласованные показания: мол, бизнес не пошел, прогорели, сами остались ни с чем. И все. Конец.

Павлов закрыл папку. История была банальной до зевоты. Одна из тысяч подобных. Но убийство Фомина превращало эту банальность в пролог к трагедии. Он сидел в тишине подвала, и ему казалось, что он слышит, как тикают часы. Не его наручные, а какие-то другие, невидимые. Часы, отсчитывающие время для тех, чьи имена были вписаны в этот пожелтевший устав.

Он снова открыл первый лист. Учредители. Четыре человека, которых связала жажда денег, а разделил, скорее всего, страх. Что они не поделили тогда, три года назад? Или что нашли сейчас? Он достал блокнот и ручку.

1. Фомин Леонид Борисович. Убит.
2. Белов Григорий Иванович. Снабженец. Судя по характеристике из старого дела – шумный, компанейский, любитель выпить. Самое слабое звено.
3. Крайнов Семен Маркович. Бухгалтер. Педант, человек цифры. Такие люди обычно знают все и хранят все докумен-

ты. Опасный свидетель.

4. Артамонов Николай Петрович. Бывший военный, прапорщик. Отвечал за «безопасность». Самый жесткий и, вероятно, самый осторожный из всех.

Он провел черту. Под ней написал еще одну фамилию, которая упоминалась в протоколах мельком, как технический исполнитель, не имевший доли.

5. Орлов Вадим Петрович. Инженер. «Мозговой центр». Разрабатывал какие-то схемы, чертежи. Тихий, незаметный человек. В тени главных игроков.

Список лежал перед ним на столе. Пять имен. Один мертв. Четверо живы. Пока живы. Этот список больше не был архивным документом. Он стал планом работы. Картой минного поля, по которому ему предстояло пройти. И он еще не знал, что эта карта уже устарела.

– Ну что, Арсений Юрьевич, нашли свою правду? – голос Зинаиды Марковны заставил его вздрогнуть. Она стояла над ним, как изваяние.

– Ищу, – он встал, аккуратно сложил бумаги в папку, завязал тесемки. – Спасибо.

Он вернулся в свой кабинет. Комната встретила его привычным запахом остывшего чая и табака. Он сел за стол, положил перед собой блокнот со списком. Кузнецов требовал забыть. Но как можно было забыть, когда перед тобой лежала эта схема, этот зловещий пасьянс? Убийство Фомина не было случайностью. Это было первое действие. Методичное,

холодное устранение. Убийца не просто убивал. Он зачищал прошлое. А значит, он охотился за чем-то, что было спрятано в этом прошлом. За деньгами, которые испарились при ликвидации кооператива. Огромными деньгами.

Нужно было торопиться.

Первым делом – адреса. Это оказалось сложнее, чем он думал. За три года Москва перемешалась, как колода карт. Люди меняли квартиры, телефоны, жизни. Адресная книга дала только старые данные. Пришлось задействовать неофициальные каналы, звонить знакомому из паспортного стола. Через час у него на столе лежали четыре адреса и три телефонных номера. У Артамонова телефона не было. Или он не хотел, чтобы его знали.

Павлов посмотрел на список, решая, с кого начать. Логика подсказывала, что начинать нужно с самого слабого, самого разговорчивого. С Белова Григория Ивановича. Такие, как он, после хорошей пьянки рассказывают даже то, чего не знают. А после краха общего дела и потери больших денег наверняка пили много.

Он снял трубку тяжелого дискового аппарата и набрал номер. Длинные, томительные гудки. Он уже решил, что никто не ответит, когда на том конце провода раздался щелчок и испуганный женский голос произнес:

– Алло?

– Добрый день. Мне нужен Григорий Иванович Белов.

В трубке на несколько секунд повисла тишина, настолько

плотная, что Павлов услышал собственное дыхание.

– А кто его спрашивает? – голос дрожал.

– Капитан Павлов, уголовный розыск.

Снова молчание. Теперь в нем слышался страх.

– Его нет, – наконец выдавила женщина.

– А где он? Когда будет? У меня к нему несколько вопросов по одному старому делу.

– Он... он уехал. В командировку. Да. Надолго.

Ложь была настолько откровенной, что почти не маскировалась. Павлов почувствовал, как напряглись мышцы на его скулах.

– Ясно. А вы не подскажете, куда именно он уехал? Это важно.

– Я не знаю! – голос сорвался почти на крик. – Он ничего не сказал. Он вообще в последнее время... Он много пьет. Приходит поздно. Я ничего не знаю, поймите! Не звоните сюда больше!

Короткие гудки. Резкие, как пощечина.

Павлов медленно положил трубку на рычаг. Все стало предельно ясно. Она боится. И боится не милиции. Кто-то уже приходил к Белову. Или звонил. Кто-то, кто заставил ее врать и дрожать от страха.

Он посмотрел на свой список. Напротив фамилии «Белов» медленно, почти не дыша, поставил вопросительный знак. А потом, повинувшись внезапному, леденящему душу предчувствию, обвел эту фамилию в черный кружок. Такой

же, в каком уже была фамилия Фомина.

Ему вдруг стало холодно, несмотря на то, что в кабинете было душно. Холод шел не снаружи. Он поднимался изнутри, от осознания того, что он опоздал. Что убийца работает быстрее него. Что этот список в его блокноте – не план расследования. Это расстрельный список. И кто-то методично, пункт за пунктом, вычеркивает из него имена.

Он встал и подошел к окну. Ноябрьский день был серым и безликим. Город жил своей лихорадочной жизнью, не замечая маленькой трагедии, которая разыгрывалась в его каменных недрах. Люди спешили, машины гудели, из коммерческого ларька напротив неслась пошлая, разухабистая музыка. Этот звук диссонировал с тишиной, которая воцарилась в голове Павлова. Тишиной кладбища.

Он должен был ехать. Прямо сейчас. Ехать по адресу Белова. Плевать на отсутствие ордера, на правила, на запрет Кузнецова. Он должен был увидеть все своими глазами. Потому что он нутром чуял: в квартире Белова его ждет уже не испуганная женщина, а второй акт пьесы, начавшейся вчера ночью в грязной подворотне. Северный ветер набирал силу, и он уже срывал с деревьев не только последние листья, но и человеческие жизни. Павлов накинул куртку, сунул в карман блокнот. Время догадок кончилось. Началась гонка со смертью. И он уже проигрывал в ней на один ход.

Разговор вполголоса

Телефон Белова молчал. Не отвечал, не был занят — он просто умер, растворился в мертвой, ватной тишине, которая бывает только у оборванного провода. Павлов нажимал на рычаг аппарата, слушал пустоту, и холодное, тошнотворное предчувствие, родившееся еще ночью, сгущалось в уверенность. Он опоздал. Снова.

Он положил трубку, не глядя на нее. Взгляд уперся в список. Белов был слабым звеном. Но чтобы добраться до него, нужно было время. Убийца это время себе обеспечил. Значит, следующим шагом должен быть тот, кто не ждет удара. Тот, кто был в тени. Технический специалист. Мозговой центр без права голоса. Орлов Вадим Петрович. Адрес его был в спальном районе на юго-западе, в серой громаде блочного дома, одного из сотен таких же, неотличимых друг от друга, как солдаты в строю.

Дом встретил его унылым безразличием. Облупившаяся краска на стенах подъезда, выжженные кнопки лифта, стойкий запах кислой капусты и кошачьей мочи. Мир, застывший во времени, которого уже не было. Павлов поднялся на седьмой этаж. Дверь квартиры Орлова была обита дерматином мышинного цвета, на ней висел номер, вырезанный из жести. Ни звонка, ни глазка. Он постучал костяшками пальцев. Звук получился глухим, утонувшим в ватной набивке.

За дверью послышалась какая-то возня, шарканье тапочек. Щелкнул один замок, потом второй, мучительно долгий, проворачивающийся с натужным скрипом. Дверь открылась на ширину ладони, удерживаемая цепочкой. В щели показался глаз. Бесцветный, испуганный.

– Кто? – голос был тихим, почти шепотом.

– Капитан Павлов, уголовный розыск. Мне нужно поговорить с Вадимом Петровичем Орловым.

Глаз моргнул. Цепочка натянулась, потом ослабла.

– По какому вопросу?

– По делу кооператива «Северный ветер».

Павлов увидел, как зрачок в щели сузился. За дверью наступила тишина. Он уже решил, что дверь сейчас захлопнется, но вместо этого цепочка со звоном упала, и замки снова заскрипели. Дверь открылась.

На пороге стоял мужчина лет сорока пяти. Среднего роста, полноватый, с мягким, одутловатым лицом, на котором, казалось, навсегда застыло выражение виноватой растерянности. Редкие светлые волосы были небрежно зачесаны набок, открывая высокий, морщинистый лоб. На нем был застиранный домашний халат поверх серой футболки и стоптанные тапки. Он смотрел на Павлова так, как кролик смотрит на свет автомобильных фар – обреченно и непонимающе.

– Проходите, – сказал он, отступая вглубь темного коридора.

Квартира была под стать хозяину. Маленькая, заставленная старой советской мебелью, пахнувшая пыльными книгами и остывшим кофе. В узком коридоре громоздились стопки журналов «Наука и жизнь». Из комнаты виднелся край письменного стола, заваленного бумагами и чертежами. Это было жилище человека, который давно отгородился от внешнего мира, выстроив вокруг себя баррикады из прошлого.

– На кухню? – предложил Орлов, не глядя на него. – У меня там... чище.

Павлов кивнул. Кухня была крошечной, квадратов шесть, не больше. Старый холодильник «Зил» гудел, как шмель в банке. На столе – клеенка с выцветшим цветочным узором, алюминиевый чайник на плите, полка с разномастными чашками. Орлов указал на табуретку, а сам заметался по кухне, будто не зная, за что схватиться.

– Чаю? Или кофе? У меня растворимый...

– Воды, если можно, – сказал Павлов, садясь. Табуретка под ним угрожающе скрипнула.

Орлов налил воды в граненый стакан, поставил его на стол. Руки его заметно дрожали, вода выплеснулась на клеенку. Он смущенно промокнул лужицу краем халата.

– Вы... из-за Фомина? – спросил он так тихо, что Павлов едва расслышал.

Вопрос застал врасплох.

– Откуда вы знаете?

Орлов опустил на другую табуретку, сгорбился, обхватив руками чашку, будто пытаясь согреться.

– Мне его жена звонила. Утром. Сказала, Леню... убили. Я не поверил. Я до сих пор не верю. Это какая-то ошибка, правда?

Он поднял на Павлова глаза. В них стояла мутная, искренняя скорбь. Или ее безупречная имитация.

– Ошибки нет, Вадим Петрович. Фомин мертв. Его нашли вчера ночью.

Орлов закрыл лицо руками. Плечи его затряслись. Он не плакал, а скорее беззвучно давился воздухом. Павлов молчал, давая ему время. Он видел много горя, настоящего и фальшивого. Этот человек выглядел сломленным. Его страх был почти осязаем, он пропитывал воздух в этой маленькой кухне, смешиваясь с запахом газа и пыли.

– Я... я знал, что этим кончится, – наконец проговорил он, убирая руки от лица. Лицо было бледным, влажным. – Я ему говорил. Леня... он был авантюрист. Всегда лез на рожон. Думал, он самый умный.

– О чем вы ему говорили?

Орлов посмотрел на дверь, будто боялся, что их подслушивают. Он наклонился ближе к Павлову, его голос упал до заговорщицкого шепота.

– О них. О тех людях. С которыми мы связались. Это же не бизнес был, товарищ капитан. Это была... я не знаю... сделка с дьяволом. Мы были простые инженеры, бухгалте-

ры. Мы хотели работать, что-то придумывать. А потом появились они.

– Кто «они»?

– Я не знаю их имен. Никто не знал. Был один, главный. Его звали Граф. Серьезный человек. Он решал все вопросы. Появился, когда у нас только-только пошли первые деньги. Сказал, что теперь мы работаем с ним. Что он будет нашей «крышей». А на деле... на деле мы стали его кошельком. Все, что мы зарабатывали, уходило им.

История была до боли знакомой. Стандартная схема из сотен уголовных дел, пылящихся на полках в архиве. Но Орлов рассказывал ее не как сухую сводку. Он говорил, как человек, переживший это на собственной шкуре. Его голос дрожал от застарелого страха.

– Артамонов нас с ними свел. Коля. Он же бывший военный, у него связи были... и не только официальные. Он сказал, что без защиты нас сожрут в первый же месяц. Может, он и прав был. Только защита эта оказалась хуже любой опасности. Граф и его люди... они были как звери. Я видел, что они сделали с одним коммерсантом, который им вовремя не заплатил. После этого я спать не мог неделю.

Он замолчал, уставившись в одну точку. Взгляд его был пуст, обращен внутрь, в прошлое.

– Почему кооператив распался? – спросил Павлов, возвращая его в настоящее.

– А вы как думаете? – Орлов горько усмехнулся. – Мы

выкачали из госзаказов все, что могли. Последний большой проект... там были огромные деньги. И Граф решил, что мы ему больше не нужны. Он просто пришел и сказал: «Лавочка закрывается. Деньги остаются у меня. А вы все свободны. И радуйтесь, что живы».

– И вы просто отдали все и разошлись?

– А что мы могли сделать? – Орлов развел руками. – Против них? Коля Артамонов что-то пытался качать права, он парень смелый. Но ему быстро объяснили. После этого он замолчал. Крайнов, бухгалтер наш, Семен, сразу слег с сердцем. А Леня Фомин... он больше всех возмущался. Он кричал, что это его деньги, что он их не отдаст. Его тогда сильно избили. Думаю, после этого он и понял, что спорить бесполезно. А я... я вообще никто был. Я просто схемы чертил. Мне сказали молчать, я и молчал. Я жить хотел.

Он снова замолчал. Рассказ был логичным, гладким и абсолютно правдоподобным. Он объяснял все: и внезапный крах успешного кооператива, и исчезнувшие деньги, и страх, который до сих пор жил в этом человеке. И даже убийство Фомина идеально вписывалось в эту картину.

– Вы думаете, это они убили Фомина? Люди Графа?

– Я не думаю. Я уверен, – твердо сказал Орлов. – Леня в последнее время стал... странным. Мы иногда созванивались. Он говорил, что это несправедливо. Что те деньги должны принадлежать нам. Что он придумал, как их вернуть. Я умолял его успокоиться, все забыть. Говорил, что они

его убьют. А он смеялся. Говорил, что у него есть козырь против Графа. Вот и доигрался со своими козырями.

Орлов отпил воды из стакана. Павлов заметил, что руки его уже не дрожали. Он говорил уверенно, как человек, который наконец выплеснул то, что мучило его годами.

– Что за козырь? – спросил Павлов.

– Понятия не имею. Он не говорил. Он вообще мало кому доверял. Особенно после того, как мы все разбежались. Может, какой-то компромат на Графа. Какая-нибудь бумажка. Леня любил всякие бумажки собирать.

Павлов достал пачку «Примы».

– Закурить можно?

– Да, конечно, – Орлов пододвинул ему тяжелую стеклянную пепельницу.

Павлов закурил, выпуская дым в сторону форточки. История Орлова была слишком хороша. Она давала следствию готового подозреваемого – мифического Графа. Она объясняла мотив – старые счета и большие деньги. Она делала всех остальных кооператоров жертвами. Удобная версия. Слишком удобная.

– Вы с остальными поддерживаете связь? С Беловым? С Крайновым?

При упоминании этих имен Орлов снова напрягся.

– С Крайновым почти нет. Он после той истории совсем замкнулся, стал всего бояться. А с Гришей Беловым... да, иногда. Он звонит, когда напьется. Вспоминает прошлое,

жалуется на жизнь. Он так и не смог оправиться. Спился почти.

«Слабое звено», – снова подумал Павлов.

– У вас есть его телефон? Я звонил по старому номеру, но там никто не отвечает.

– Есть, конечно, – Орлов встал, подошел к дисковому телефону, стоявшему на подоконнике, снял трубку. – Хотя вряд ли вы ему дозвонитесь. Он если в запое, то может сутками не подходить.

Он протянул трубку Павлову. Павлов набрал номер, который ему утром продиктовал знакомый из паспортного стола. Тот же номер, по которому отвечала испуганная женщина. Снова пошли длинные гудки. Бездна. Мертвые.

– Я же говорил, – тихо сказал Орлов, забирая у него трубку. В его глазах промелькнуло что-то похожее на сочувствие. Или на удовлетворение. Павлов не смог разобрать.

Он смотрел на этого человека. На его поношенный халат, на мягкое, безвольное лицо, на руки с короткими, обкусанными ногтями. Все в нем кричало о том, что он – жертва. Забитый, испуганный интеллигент, случайно попавший в жернова криминального мира. И все же что-то не сходилось. Какая-то мелочь, какая-то фальшивая нота в этой идеально исполненной арии страха.

Может быть, то, как он говорил о своих бывших партнерах. О Фомине – «авантюрист». О Белове – «спился». Об Артамонове – «смелый парень», но с оттенком осуждения. О

Крайнове – «замкнулся». В его словах не было тепла. Только холодная, отстраненная констатация фактов. Будто он описывал не живых людей, с которыми когда-то делил риски и надежды, а фигуры на шахматной доске, которые уже выбыли из игры.

– Вы сами... не боитесь, Вадим Петрович? – спросил Павлов, глядя ему прямо в глаза. – Фомина убили. Если вы правы, и это дело рук Графа, то они могут прийти и за остальными. Зачистить всех свидетелей.

Орлов вздрогнул. Страх снова вернулся на его лицо, на этот раз – неподдельный.

– Боюсь, – прошептал он. – Я каждую ночь просыпаюсь от любого шороха. Я из дома почти не выхожу. Но что я могу сделать? Я маленький человек, товарищ капитан. Я никому не нужен. Я все забыл. Я ничего не знаю. Может, они про меня и не вспомнят.

Он смотрел на Павлова с отчаянной надеждой. Он искал защиты, reassurance. Но Павлов молчал.

– Нам нужно будет оформить ваши показания официально, – сказал он, поднимаясь. – Я вызову вас повесткой.

– Да, да, конечно, – засуетился Орлов, тоже вскакивая. – Я все расскажу. Все, что знаю. Только... вы ведь их найдете? Тех, кто убил Леню?

– Мы сделаем все, что возможно.

Павлов направился к выходу. Орлов семенил за ним. У самой двери капитан остановился.

– Вадим Петрович, а чем кооператив занимался в последние месяцы? Перед тем, как Граф все прикрыл.

Орлов на секунду замялся.

– Да так... мелочи всякие. Посредничество. Уже почти ничего серьезного. Мы просто ждали конца.

– А тот большой проект, о котором вы говорили? Из-за которого все и кончилось?

Взгляд Орлова стал пустым, как у рыбы.

– Я не вникал в детали. Это все Леня с Колей проворачивали. Что-то связанное с поставками редкоземельных металлов для одного оборонного НИИ. Там все было запутано. Я только техническую документацию готовил. Чертежи. Схемы.

– Схемы чего?

– Да так... помещений. Складов. Систем охраны. Обычная рутина. Я уже и не помню ничего.

Он открыл дверь.

– Спасибо, что пришли, товарищ капитан. Вы только... будьте осторожны. Эти люди... они повсюду.

Павлов вышел на лестничную площадку. Дверь за ним закрылась, снова щелкнули два замка. Он постоял с минуту, прислушиваясь. За дверью не было слышно ни звука.

Он спускался по лестнице, не дожидаясь лифта. Разговор с Орловым оставил странное послевкусие. Как от плохого растворимого кофе, который он пил в своем кабинете. Вроде бы все на своих местах. Логичная, стройная версия, ука-

зывающая на криминальный след. Испуганный, сломленный свидетель, готовый сотрудничать. Любой другой следователь ухватился бы за эту ниточку. Кузнецов был бы в восторге. Дело можно было передавать в отдел по борьбе с оргпреступностью и умывать руки.

Но Павлова не отпускало ощущение, что его только что виртуозно провели. Что он был не следователем, а зрителем в театре одного актера. И актер этот, несмотря на поношенный халат и дрожащие руки, был гениален. Он не просто рассказал историю. Он создал реальность. И в этой реальности ему, Вадиму Орлову, была отведена самая безопасная роль – роль жертвы.

А холодный, чистый расчет, который Павлов на мгновение уловил в его глазах, когда тот говорил о смерти Фомина, не вписывался в эту роль. Это было что-то иное. Что-то из другой пьесы, которую разыгрывали за плотно задернутыми шторами.

Выйдя на улицу, он вдохнул сырой, промозглый воздух. Легкий туман оседал на одежде, на лице. Москва тонула в серой, ноябрьской хмари. Он достал свой блокнот. Напротив фамилии «Орлов» он поставил вопросительный знак. Затем достал из кармана пакетик с уликой, найденной у тела Фомина. Обрывок старого лотерейного билета. «...ранит ваше благо...». Орлов не упомянул о нем ни слова. А ведь такая деталь могла бы что-то значить.

Павлов посмотрел на серый громаду дома, в одном из

окон которого только что закончился этот разговор вполголоса. Он чувствовал, что ответ не там, куда ему так услужливо указали. Не в бандитских разборках и не в тени криминального авторитета Графа. Ответ был здесь. В пыльных квартирах, в старых обидах, в памяти тех, кто когда-то плыл в одной лодке под названием «Северный ветер». Лодке, которая давно пошла ко дну, но чей затонувший груз кто-то решил поднять. Любой ценой. И Вадим Орлов, тихий человек в стоптанных тапках, знал об этом грузе гораздо больше, чем хотел показать. В этом Павлов был почти уверен.

Водка с привкусом смерти

Мелкая, ледяная крупа секла по лобовому стеклу, и дворники, надсадно скрипя, лишь размазывали по нему городскую грязь, превращая мир за окном в мутное акварельное пятно. Павлов вел машину механически, не думая о дороге. Все его мысли кружились вокруг одной точки – маленькой, заставленной книгами кухни на седьмом этаже панельного дома. Орлов. Актер погорелого театра. Разыграл партию испуганной мыши так убедительно, что хотелось поаплодировать. Или врезать по этому мягкому, податливому лицу, чтобы увидеть, что за маской. Он подsunул готовую версию, красивую, как дешевая икона: злой бандит Граф, невинные жертвы-кооператоры. И эта версия была ловушкой, приманкой для усталого следствия, жаждущего простых ответов. Кузнецов вцепится в нее мертвой хваткой.

«Волга» свернула во двор, точь-в-точь похожий на тот, где жил Орлов. Та же безнадежная серость пятиэтажек, те же облезлые тополя, простирающие к свинцовому небу голые, черные ветви, словно руки утопающих. Дом Белова оказался еще старше, еще печальнее. Трещины на фасаде походили на незаживающие шрамы. Он заглушил мотор. Несколько секунд сидел в тишине, нарушаемой лишь стуком ледяных крупинок по крыше. Предчувствие, которое утром по телефону было лишь холодком под кожей, теперь превратилось в

тяжелый, давящий ком в груди. Он знал, что увидит за дверью. Знал так же неотвратно, как знал, что за ноябрем придет декабрь.

Подъезд пах так, как пахнет заброшенная жизнь: сыростью, прокисшими щами, старостью. На втором этаже, у квартиры номер двенадцать, уже толпились люди. Двое в милицейской форме, не дающие пройти любопытной соседке в бигуди, и участковый, немолодой старший лейтенант с лицом, измятым хроническим недосыпом. Увидев Павлова, он с облегчением выдохнул.

– Арсений Юрьевич, слава богу. А я уже думал, из главка кого пришлют. Жена его вызвала, час назад. Вернулась от сестры, а он... В общем, сам увидишь.

Павлов кивнул, проходя мимо. Дверь в квартиру была распахнута. Изнутри несло тяжелым, удушливым запахом перегара, смешанным с чем-то едким, химическим. Этот запах он знал слишком хорошо. Запах метилового спирта. Запах дешевой, быстрой смерти, которая в этом году косила людей не хуже чумы.

В прихожей, на стуле, сидела женщина. Та самая, чей испуганный голос он слышал по телефону. Теперь в ее голосе не было бы страха. В ней вообще ничего не было. Она сидела абсолютно прямо, глядя в одну точку на стене с облупившимися обоями, и ее лицо было похоже на маску из серого воска. Она не плакала, не говорила. Она просто кончилась. Рядом с ней суежилась соседка, протягивая стакан с водой,

но женщина не реагировала.

– Не трогайте ее пока, – тихо сказал Павлов участковому. – Где он?

– На кухне.

Кухня была такой же тесной, как у Орлова, но если там царил затворнический порядок, то здесь властвовал хаос. Грязная посуда в раковине, крошки на столе, липкий пол. И посреди всего этого, за столом, сидел Григорий Белов. Вернее, то, что от него осталось. Он сидел, уронив голову на грудь, одна рука безвольно свисала вниз, другая так и осталась лежать на столе, рядом с опрокинутым граненым стаканом. Глаза были открыты и смотрели в разноцветную клеенку с мутным, бессмысленным выражением. На столе стояла початая бутылка водки с криво наклеенной этикеткой «Русская». Рядом – тарелка с засохшим куском хлеба и несколькими шпротами в масле. Классический натюрморт самоубийцы поневоле.

– Эксперт что говорит? – спросил Павлов, не отрывая взгляда от мертвеца.

– Да что тут говорить, – вздохнул участковый. – Паленка. Метанол чистой воды. У нас в районе третья смерть за неделю от этой дряни. Купит по дешевке у какого-нибудь барыги, выпьет – и все, привет. Дело ясное. Несчастный случай.

Павлов медленно обошел стол. Он смотрел не на тело, а на детали вокруг. На то, как аккуратно нарезана закуска. На то, что рядом с дешевой водкой, на подоконнике, стояла по-

что полная бутылка дорогого армянского коньяка, покрытая слоем пыли, но явно нетронутая сегодня. Человек, дошедший до того, чтобы пить отраву из-под полы, не станет держать для красоты дорогой коньяк. Он выпьет его первым. Это была первая нестыковка. Мелкая, почти незаметная, но она была.

Его взгляд упал на раковину, заваленную грязной посудой. Среди тарелок и вилок стоял еще один стакан. Тоже грашенный, точно такой же, как тот, что лежал на столе. Он был вымыт. Но вымыт наспех, кое-как. Павлов присел, посмотрел на него под другим углом. На стекле виднелись радужные разводы, какие оставляет плохо смытое моющее средство. И что важнее, стакан был еще влажным внутри. Его помыли совсем недавно. И поставили в общую кучу, чтобы он не бросался в глаза.

– Пил один? – спросил Павлов у участкового.

– Жена говорит, он последние полгода только в одиночку и глушил. Всех дружков растерял.

Павлов ничего не ответил. Он подошел к женщине в коридоре. Присел перед ней на корточки, заглянул в пустые глаза.

– Меня зовут Арсений Юрьевич. Я следователь. Скажите, пожалуйста, когда вы ушли из дома?

Она молчала. Ее губы чуть дрогнули, но не разомкнулись.

– Это очень важно, – мягко, но настойчиво продолжил Павлов. – Постарайтесь вспомнить.

– Вчера... вечером, – прошелестел ее голос, тонкий, как

паутина. — К сестре поехала. С ночевкой. Не могла его больше видеть... пьяного.

— Он был один, когда вы уходили?

Она кивнула.

— А гость? У него был гость?

Женщина вздрогнула, будто ее ударили. Взгляд ее на секунду сфокусировался на лице Павлова. В нем мелькнул ужас.

— Не было... никого, — прошептала она, снова уставившись в стену.

— Я утром вам звонил. Вы сказали, что он уехал в командировку. Вы солгали. Почему?

Она молчала. Ее руки, лежавшие на коленях, сжались в кулаки так, что побелели костяшки.

— Кто-то был здесь после вашего ухода, — сказал Павлов уже не спрашивая, а утверждая. — Кто-то приходил к вашему мужу. Кто?

Она замотала головой. Медленно, из стороны в сторону. Отрицая не вопрос, а саму реальность, в которой этот вопрос мог прозвучать.

— Посмотрите на меня, — голос Павлова стал жестче. — Это не несчастный случай. Вашего мужа убили. Так же, как убили его партнера, Леонида Фомина. И если вы сейчас не расскажете все, что знаете, убийца уйдет. Вы этого хотите?

Имя Фомина подействовало. Она подняла на него глаза, и в их серой, безжизненной глубине проступило осознание.

– Был, – выдохнула она. – Вчера. Уже когда я уходила. Пришел... человек. Сказал, старый друг, по работе. Гриша ему обрадовался. Сказал, что это... Вадик.

– Вадик? – сердце Павлова пропустило удар. – Вадим Орлов?

Она судорожно кивнула.

– Он принес бутылку... вот эту. Сказал, угощает. По старой дружбе. Я ушла, а они остались... на кухне. Он... он такой тихий, вежливый. В очках. Сказал, чтобы я не волновалась, что он за Гришей присмотрит.

Павлов поднялся. По спине, вдоль позвоночника, медленно пополз знакомый холодок – не страх, а ледяная ясность хирурга, видящего метастазы там, где другие видят лишь безобидное уплотнение. Картина сложилась. Тихий, вежливый Вадик приходит в гости к старому другу, спившемуся и опустившемуся. Приносит с собой бутылку отравы. Они выпивают. Белов, привыкший к сивушным маслам, пьет, не замечая подвоха. Орлов делает вид, что пьет вместе с ним. Или пьет из другого стакана, из другой бутылки. Потом, когда Белов отключается, он моет свой стакан, ставит его в раковину и уходит. Тихо, незаметно. А утром звонит жене Фомина, чтобы узнать, что того нашли. И ждет звонка от милиции, чтобы разыграть свой спектакль. Идеальное убийство. Замаскированное под бытовую трагедию, под несчастный случай, на который никто не обратит внимания.

– Он угрожал вам? – спросил Павлов у женщины.

Она снова кивнула, не в силах говорить. Слезы наконец хлынули из ее глаз. Беззвучные, тяжелые.

– Он позвонил утром. После вас. Сказал, что если я скажу милиции, что он был здесь... он сказал, что со мной случится то же, что и с Гришей. Что я поскользнусь в ванной. Или что газ взорвется. Он говорил... так спокойно. Будто погоду обсуждал.

Павлов отошел к окну. За мутным стеклом серый день перетекал в серый вечер. Два трупа за два дня. Два учредителя кооператива. Один – с проломленной головой, в подворотне. Второй – с печенью, сожженной метанолом, на собственной кухне. Два разных способа, два разных почерка. Но одна рука. Холодная, расчетливая рука, убирающая фигуры с доски. И эта рука принадлежала не мифическому бандиту Графу. Она принадлежала тихому, забитому инженеру в стоптанных тапках. Тому, кто был в тени. Тому, кого никто не принимал всерьез.

– Оформляйте как убийство, – бросил он участковому, направляясь к выходу. – Берите вдову под охрану. И срочно дайте ориентировку. Орлов Вадим Петрович. Адрес у вас будет через пять минут. Взять его. Немедленно.

На Петровку он летел, не разбирая дороги, проскакивая на желтый, заставляя шарахаться пешеходов. Ярость, холодная и острая, как заточка, придавала ему сил. Его обвели во-круг пальца. Он, старый, тертый опер, повелся на дешевый спектакль. Он сидел и слушал эту лживую исповедь, а в это

время убийца заметал следы и планировал следующий ход.

Кабинет Кузнецова встретил его запахом дешевого кофе и раздражения. Майор стоял у окна, заложив руки за спину. Он не обернулся, когда Павлов вошел.

– Я слышал, ты там самодеятельность устроил, – голос Кузнецова был ровным, безэмоциональным, и оттого звучал еще более угрожающе. – Поднял на уши весь районный отдел.

– Убит второй учредитель «Северного ветра», Григорий Белов, – отрезал Павлов, подходя к столу. – Отравлен метиловым спиртом. У меня есть свидетель, который видел убийцу. Это Вадим Орлов, их бывший партнер. Я дал команду его задержать.

Кузнецов медленно повернулся. Его лицо было усталым и злым. Он подошел к столу, взял со стола бумагу и протянул ее Павлову.

– А вот это рапорт от участкового. Мне его полчаса назад принесли. Несчастный случай. Отравление суррогатным алкоголем. Труп направлен в морг для галочки. Дело закрыто.

– Это не несчастный случай! – Павлов ударил ладонью по столу. Папки на нем подпрыгнули. – Это второе убийство! Они связаны! Орлов их убирает одного за другим! Фомин, теперь Белов!

– Успокойся, капитан, – в голосе Кузнецова появился металл. – Ты слишком много на себя берешь. Фомин – это уличный грабеж. «Висяк», который ты сам же и оформил. Белов – алкоголик, который допился до отравы. Таких по городу – десятки. Это два разных, не связанных между собой дела. Конец.

– Но свидетель...

– Какой свидетель?! – взорвался Кузнецов. – Истеричная баба, которая от страха и горя готова наговорить что угодно?! Ее показания не стоят бумаги, на которой они записаны. У тебя нет ничего, Арсений! Ни одной прямой улики! Только твои догадки и теории заговора!

– У Орлова был мотив! Деньги кооператива, которые они не поделили!

– У половины Москвы сейчас есть мотив убить другую половину! – Кузнецов наклонился над столом, глядя Павлову прямо в глаза. Его взгляд был тяжелым, как пресс. – Арсений, страна с ума сошла. У нас на улицах война, банды делят город на куски, трупы каждый день. А ты призраков прошлого ловишь, из восемьдесят девятого года! Кому сейчас есть дело до твоего кооператива? Мне нужно раскрывать

реальные преступления! Мне нужны показатели! А ты тра-
тишь мое время и ресурсы на свои фантазии!

– Это не фантазии! Это спланированная серия убийств!

– Докажи! – выкрикнул Кузнецов. – Принеси мне доказа-
тельства! Не слова перепуганной вдовы, а факты! Отпечата-
тки Орлова на бутылке. Запись его угроз. Что-нибудь! У тебя
есть что-нибудь?!

Павлов молчал. У него ничего не было. Только второй
вымытый стакан, пыльная бутылка коньяка и его собствен-
ная, ничем не подкреплённая уверенность. В мире Кузнецо-
ва, мире отчетов и статистики, это было равносильно нулю.

– Вот именно, – майор выпрямился, его голос снова стал
холодным и ровным. – Поэтому слушай мой приказ, капи-
тан. Ты отменяешь ориентировку на Орлова. Ты прекраща-
ешь заниматься этим делом. Дело Фомина закрыть и сдать в
архив как «глухарь». Дело Белова остается несчастным слу-
чаем. Ты меня понял? Это не просьба. Это приказ. Не вы-
полнишь – положишь на стол рапорт об увольнении. Я ясно
выразился?

Тишину в кабинете можно было резать ножом. В ней то-
нул скрип его собственного стула, гудение лампы дневного

света, далекий вой сирены за окном – все звуки вязли в этой плотной, начальственной тишине, как мухи в янтаре. Павлов смотрел на Кузнецова. Он видел перед собой не начальника. Он видел перед собой систему. Систему, которая устала, которая больше не хотела бороться, а хотела лишь имитировать борьбу. Систему, для которой удобная ложь была ценнее, чем неудобная правда.

– Так точно, товарищ майор, – глухо произнес он. Слова царапали горло.

– Свободен.

Павлов развернулся и вышел, не сказав больше ни слова. Он шел по гулкому коридору, и каждый шаг отдавался в голове тупой болью. Его только что обезоружили. У него отняли право делать свою работу. Орлов победил. Он сидит сейчас в своей пыльной квартире, пьет растворимый кофе и, возможно, улыбается. Он все рассчитал. И то, как убьет. И то, как следствие само себя остановит.

Вернувшись в свой кабинет, он рухнул на стул. На столе лежал его блокнот, раскрытый на странице со списком. Фомин. Белов. Две фамилии были обведены черными кружками. Осталось еще две. Крайнов Семен Маркович. Артамонов Николай Петрович. Бухгалтер, который все знает. И бывший

военный, который умеет действовать. Орлов не остановится. Он пойдет дальше. А он, капитан Павлов, должен сидеть сложа руки.

Он подошел к окну. Ледяная крупа перестала, но небо было по-прежнему низким и тяжелым, готовым в любой момент обрушиться на город холодным, грязным снегом. Северный ветер завывал в щелях старой рамы, будто оплакивая кого-то. Или предупреждая. Павлов достал из кармана пакетик с обрывком лотерейного билета. «...ранит ваше благо...». Он посмотрел на него, потом снова на список.

Приказ был отдан. Но он не был исполнен. Кузнецов мог забрать у него дело, мог пригрозить увольнением. Но он не мог забрать у него то, что заставляло его каждое утро приходить в это унылое здание. Не мог вытравить из него органическую неспособность мириться с ложью.

Дело было закрыто. Официально. Но для него оно только начиналось. Теперь он был один. Без поддержки, без полномочий. Один на один с умным, безжалостным убийцей, который всегда на шаг впереди. И с городом, которому было все равно. Он достал сигарету, закурил. Горький дым наполнил легкие. Он должен был найти Крайнова и Артамонова. Найти их раньше, чем это сделает Орлов. Гонка продолжалась. Только теперь она стала нелегальной. И смертельно опасной.

Шепот напуганных стен

Приказ Кузнецова не был звуком. Он был состоянием, вязкой, удушающей средой, заполнившей легкие вместо воздуха. Павлов покинул Петровку, будто вынырнул из маслянистого пятна на воде – снаружи тот же город, тот же морозящий ноябрь, но сам он стал другим. Липким, грязным, лишенным права. Он больше не был капитаном уголовного розыска. Он был просто человеком, который слишком много знал, и которому запретили действовать. Этот запрет не сковывал. Наоборот, он развязывал руки, отменяя все правила, кроме одного – найти и остановить.

Адрес Семена Крайнова, бухгалтера, привел его в район, застроенный еще при Хрущеве. Пятиэтажки, расставленные с унылой симметрией, образовывали дворы-колодцы, в которых ветер завывал особенно тоскливо, гоняя по асфальту мусор и первые, еще не оформившиеся снежинки. Дом Крайнова был таким же, как все, но в нем чувствовалась затаенная, почти болезненная тревога. Окна на его третьем этаже были единственными во всем здании, наглухо задернутыми тяжелыми, пыльными шторами, будто квартира пыталась втянуть голову в плечи, спрятаться от мира.

На двери было три замка. Не новых, блестящих, а старых, советских, врезанных в разное время, как слои археологических раскопок, свидетельствующих о нарастающей паранойе

владельца. Верхний – массивный, гаражного типа, нижние – поменьше, но с хитрыми, фигурными скважинами. Павлов нажал на кнопку звонка. Трель была короткой и нервной, как вскрик. За дверью наступила мертвая тишина. Он подождал минуту и позвонил снова, на этот раз дольше, настойчивее.

Послышалось шарканье. Затем голос, тонкий и дребезжащий, как надтреснутый фарфор.

– Кто там?

Павлов не стал представляться. Официальный статус был теперь его слабостью, а не силой.

– По делу «Северного ветра». Я знаю про Фомина и Белова. Откройте, Семен Маркович. Нам нужно поговорить, пока вы не стали следующим.

За дверью снова замерли. Павлов слышал прерывистое, астматическое дыхание. Он не торопил. Он дал словам время просочиться сквозь стальную обшивку двери, пробраться в затхлый воздух квартиры, в испуганный мозг ее обитателя. Наконец, со скрежетом, начал поворачиваться первый ключ. Затем второй. Третий поддался с натужным стоном. Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в щель мог просунуться нос. Павлова изучал один глаз, красный от бессонницы и окруженный сетью мелких морщин.

– У вас нет ордера.

– У меня есть два трупа, – отрезал Павлов. – Этого мало?

Крайнов помедлил еще несколько секунд, затем, сдавшись, распахнул дверь.

Он был похож на высохший гриб. Маленький, ссохшийся, с большой головой на тонкой шее. Лицо покрывала пергаментная, желтоватая кожа, плотно обтягивающая череп. На нем был старомодный шерстяной кардиган с вытянутыми локтями и отглаженные брюки. Но главным в нем был запах. Смесь нафталина, валокордина и всепоглощающего, животного страха.

Квартира была его точным отражением. Идеальный, почти стерильный порядок, который граничил с безумием. Книги на полках расставлены по росту и цвету корешков. На застеленной с военной аккуратностью кровати не было ни единой складки. Даже салфеточка под старой фарфоровой статуэткой балерины лежала строго по центру полированной поверхности. Этот порядок был защитной реакцией, попыткой выстроить крепость из привычных вещей против хаоса, ломившегося в дверь.

– Садитесь, – просипел Крайнов, указывая на стул у кухонного стола. Сам он остался стоять, прислонившись к дверному косяку, готовый в любой момент отступить, скрыться.

– Вам звонили? – спросил Павлов без предисловий. – Вам угрожали?

Крайнов вздрогнул, его тонкие пальцы вцепились в край кардигана.

– Мне никто не звонил. Я ни с кем не разговариваю. Я давно... на пенсии.

– Леонид Фомин тоже был на пенсии. Вечной. А Григорий Белов вчера отправился в бессрочную командировку. Вы ведь в курсе?

Бухгалтер медленно опустился на табуретку, будто из него выпустили воздух.

– Я ничего не знаю, – прошептал он, глядя в стол. – Это старая история. Она давно кончилась.

– Она не кончилась. Она только начинается. Кто-то решил свести счеты. Орлов рассказал мне про банду Графа. Это они?

При имени Орлова Крайнов поднял голову. В его выцветших глазах на мгновение вспыхнул огонек ненависти, такой сильный, что он, казалось, мог прожечь дыру в клеенке на столе. Но он тут же погас, сменившись прежним страхом.

– Вадик... Вадик всегда был умнее всех. Он умел говорить то, что от него хотят услышать. Он... змея.

– Значит, это не Граф?

Крайнов горько, беззвучно усмехнулся.

– Граф... Граф был просто цепным псом. Шумным, страшным, но на цепи. Он брал то, что ему давали. Не больше. Он не убийца. Он просто рэкетир. Убийца... убийца другой. Он тихий. Терпеливый. Он умеет ждать.

Он замолчал, прислушиваясь к звукам за окном. Шум проезжающей машины заставил его вздрогнуть.

– Семен Маркович, – голос Павлова стал мягче. – Я не

из милиции. То есть, формально – да. Но сейчас я здесь как частное лицо. Мое начальство считает, что Фомин стал жертвой грабителей, а Белов отравился паленой водкой. Дела закрыты. Никто, кроме меня, не будет вас искать. И никто, кроме меня, не сможет вам помочь. А он придет за вами. Вы это знаете. Он убьет вас так же буднично, как вычеркивают строчку в бухгалтерской книге.

Слова попали в цель. Крайнов обхватил голову руками.

– Что вы от меня хотите? – его голос сорвался. – У меня ничего нет! Все пропало! Все сгорело!

– Мне не нужны деньги. Мне нужна правда. Что вы не поделили тогда, три года назад?

– Деньги! – выкрикнул Крайнов, и в этом слове было столько отчаяния и омерзения, будто он говорил о какой-то заразной болезни. – Проклятые деньги! Они с самого начала были прокляты! Мы думали, это наш шанс, наш билет в новую жизнь. А это оказалась могильная плита, которую мы сами себе тащили на горбу!

– Что с ними было не так? Откуда они взялись?

Крайнов посмотрел на него безумными глазами.

– Не наши это были деньги, капитан. Никогда нашими не были. Мы их не заработали. Мы их... приняли. На хранение. Думали, что самые хитрые. Что времена меняются, хозяева исчезнут, а деньги останутся нам.

Он встал, подошел к окну и чуть отодвинул штору, выглядывая во двор.

– Это была не наша идея. Нас нашли. Нас выбрали. Артамонов... это он привел тех людей. Серьезных, в одинаковых серых костюмах. Не бандиты, нет. Хуже. Люди из тех, у кого нет имен, только должности. Они сказали, что стране нужны новые формы хозяйствования. Что нам помогут. Дали начальный капитал. Огромный. И объяснили правила игры. Мы были просто... фасадом. Прачечной. Через нас отмывали то, что они успели вытащить из разваливающейся страны. А мы получали свой процент.

Павлов слушал, и туман вокруг «Северного ветра» начал рассеиваться, уступая место ледяной, чудовищной ясности. Это была не просто банда кооператоров-мошенников. Это был один из тысяч ручейков, по которым утекало наследие умирающей империи.

– Но потом все пошло не так, – продолжал шептать Крайнов, обращаясь больше к пыльному стеклу, чем к Павлову. – Союз рухнул. Те люди в серых костюмах исчезли. Испарились. А деньги остались. Последний транш. Самый большой. Он лежал на наших счетах, и мы... мы решили, что это подарок судьбы. Что бог о нас вспомнил. Мы были идиотами. Фомин кричал, что нужно делить все и разбежаться. Артамонов говорил, что нужно залечь на дно и ждать. Гришка Белов просто пил и боялся. А я... я все считал. Каждую копейку.

И я видел, что эти деньги не принесут счастья. Они пахли кровью и предательством.

– А Орлов? – спросил Павлов.

– А Орлов молчал, – Крайнов обернулся. – Он сидел на всех собраниях в уголке, слушал, кивал. Делал свои чертежи. И молчал. А потом, когда мы уже готовы были перегрызть друг другу глотки, он предложил свой план. Гениальный в своей простоте. Спрятать деньги. Не в банке, не за границей. А здесь. Спрятать так, чтобы никто и никогда не нашел. До лучших времен. Он сказал, что это единственный способ спасти и деньги, и наши жизни. И мы ему поверили. Потому что хотели верить.

Он снова опустился на табуретку. Его трясло.

– Мы создали тайник. В том старом НИИ. Орлов все спроектировал. Четыре степени защиты. Четыре ключа. И у каждого из нас – Фомина, Белова, Артамонова и меня – был только один. Открыть можно было только всем вместе. Один знал код от внешнего замка. Другой – расположение подземного входа. Третий, я, хранил схему-карту. Четвертый – устройство внутреннего механизма. Мы поклялись, что вернемся за деньгами через пять лет, когда все уляжется. Мы думали, что обезопасили себя друг от друга. А оказалось, что мы подписали себе смертный приговор.

Теперь все встало на свои места. Убийства Фомина и Белова не были хаотичными. Это был методичный сбор ключей. И убийца – тот, кто остался без ключа. Тихий гений,

спроектировавший ловушку и теперь обходящий ее, отстреливая тех, кто в нее попался.

– У вас осталась карта? – спросил Павлов.

Крайнов истерически рассмеялся.

– Карта! Да он ее уже получил! Он хитрый, Вадик. Он не стал угрожать. Он пришел ко мне неделю назад. Сказал, что боится. Что люди Графа что-то ищут. Сказал, что нам нужно проверить тайник, убедиться, что все на месте. Я не хотел, но он так умолял, так был напуган... Я отдал ему свою часть. Схему. Чтобы он сверил со своими записями. Он обещал вернуть на следующий день. И исчез. А потом я услышал про Леню...

Павлов встал. Он получил все, что хотел. И даже больше. Он увидел всю механику преступления. Холодную, безжалостную, как часовой механизм.

– Вам нужно уехать, Семен Маркович. Прямо сейчас. Собрать вещи и исчезнуть. Он придет за вами. Может быть, сегодня ночью.

– Куда я поеду? – Крайнов посмотрел на него с детской беспомощностью. – У меня никого нет. Этот город – моя тюрьма. Я боюсь выйти на улицу.

– Тогда не открывайте никому. Ни под каким предлогом. Я постараюсь его остановить.

Он направился к двери.

– Капитан! – окликнул его Крайнов.

Павлов обернулся.

– Он не остановится, – прошептал бухгалтер. – Даже когда соберет все ключи. Он убьет и Артамонова. И меня. Он не может оставить свидетелей. Таков был его план с самого начала. Просто мы этого не поняли.

Выйдя из подъезда, Павлов глубоко вдохнул ледяной воздух. Он чувствовал себя так, будто прочел сценарий кровавой пьесы, два акта которой уже были сыграны. Оставалось еще два. И у него было отчаянно мало времени, чтобы помешать режиссеру. Он должен был найти Артамонова. Бывшего военного. Самого сильного и осторожного из них. Единственного, кто еще мог дать отпор.

Он шел к своей машине, когда его окликнули.

– Капитан Павлов?

Голос был женский, звонкий и уверенный. Он резко контрастировал с шепотом напуганных стен, который до сих пор звучал у него в ушах. Он обернулся.

У соседнего подъезда, прислонившись к обшарпанной стене, стояла девушка. Лет двадцати пяти, не больше. Короткая стрижка, темные волосы. Большие, живые глаза, которые смотрели на него без страха, с нагловатым любопытством. На ней была короткая кожаная куртка, джинсы и тяжелые ботинки. В руках она вертела блокнот и ручку. Она не была похожа на обительницу этих унылых дворов. Она была хищницей, забредшей на чужую территорию.

– Мы не знакомы, – сказал Павлов, останавливаясь.

– Я – Юлия Званцева, газета «Криминальная хроника». А вы плохо конспирируетесь. За вашей «Волгой» с мятым крылом можно сверять часы, когда на Петровке случается что-то интересное.

Ее тон был насмешливым, но не злым. Это была манера общения нового поколения, циничного и лишенного пиетета перед погонами.

– У меня нет времени на разговоры с прессой, – бросил Павлов и пошел дальше.

– А если я скажу, что знаю, почему дело по вашему вчерашнему «висяку» так быстро замяли? – крикнула она ему в спину.

Он остановился. Медленно повернулся.

– Что вы знаете?

Она подошла ближе. От нее пахло табаком и какими-то терпкими духами.

– Я знаю, что покойный Леонид Фомин пару недель назад пытался продать кое-какую информацию. Очень доро-

гую информацию. Про одного очень серьезного человека по кличке Граф. А Граф сейчас очень дружит с некоторыми людьми в высоких кабинетах. В том числе и на Петровке. Поэтому, когда Фомина нашли с дыркой в голове, команда «фас» сменилась на команду «отбой». Чтобы не копать куда не надо и не беспокоить уважаемых людей. Ваше начальство просто выполнило приказ сверху. А вы, похоже, нет.

Она смотрела на него с азартом игрока, который только что выложил на стол козырного туза.

Павлов молчал, переваривая информацию. Это объясняло реакцию Кузнецова. Майор был не просто уставшим бюрократом. Он был винтиком в системе, которая защищала саму себя и своих новых хозяев.

– Откуда у вас это? – спросил он.

– У хорошего журналиста уши есть везде, капитан. Особенно там, где пахнет жареным. Я копала под Графа уже месяц. И все ниточки вели к какому-то старому кооперативу. «Северный ветер». А потом убивают одного из его учредителей. А на следующий день при загадочных обстоятельствах умирает второй. Совпадение? Я, как и вы, в них не верю.

Она была умна. И чертовски хорошо информирована.

– Что вам нужно, Званцева? – спросил Павлов напрямую.

– Мне нужен материал. Эксклюзив. История про честного мента, который один идет против системы и бандитов, чтобы раскрыть серию убийств. Звучит неплохо, правда? А вам... вам нужна информация. И, возможно, прикрытие. Я могу задавать вопросы там, куда вам вход заказан. Могу поднять шум, если с вами что-то случится. Это называется симбиоз, капитан. Вы мне – фактуру, я вам – ресурс.

Она протянула ему руку. Ладонь была холодной и крепкой.

– Я работаю один, – сказал Павлов, не принимая рукопожатия.

– Вы работали один, – поправила она его, не убирая руки. – А теперь вас отстранили. Теперь вы просто упрямый мужик, который лезет в осиное гнездо без всякой защиты. А я могу быть вашим жалом. Подумайте об этом.

Она достала из кармана визитку, вложила ее ему в руку.

– Это мой домашний. Звоните, когда надоест биться головой о стену. И поторопитесь. В этой игре выбывшие не возвращаются.

Юлия Званцева развернулась и, не оглядываясь, пошла прочь из унылого двора. Ее уверенная походка, яркая куртка, сама ее энергия были вызовом этому серому, напуганному миру. Она была порождением нового времени – безжалостного, циничного, но полного жизни.

Павлов посмотрел на визитку в своей руке, потом на окна квартиры Крайнова, наглухо задернутые шторами. Он был зажат между двумя мирами. Миром прошлого, полного смертельных тайн и шепчущего от страха за пыльными занавесками. И миром будущего, наглым, беспринципным, предлагающим сомнительные сделки. И оба мира были одинаково опасны.

Он сжал визитку в кулаке. Он все еще был один. Но теперь у него появился выбор. И это было хуже, чем его полное отсутствие. За окном начинался снег. Густой, тяжелый, он падал на Москву, укрывая ее грязные раны белым саваном. Но под этим саваном продолжала течь темная, горячая кровь. И северный ветер разносил ее запах по всему городу.

Малиновый пиджак и старая обида

Визитка Юлии Званцевой в кармане пальто ощущалась инородным предметом. Гладкий, плотный картон с тисненными буквами казался артефактом из другого, более стремительного мира, где информация была товаром, а наглость – валютой. Павлов стоял под чахлым навесом автобусной остановки, не дожидаясь автобуса, а просто прячась от снега, который из редких, нерешительных хлопьев превратился в густую, молчаливую завесу, стирающую очертания домов и звуки города. Он не собирался ей звонить. Мысль о союзе с этой хищной девицей вызывала у него глухое отторжение, похожее на то, что испытываешь к слишком сладкому, химическому напитку из коммерческого ларька. Но ее слова, ее знание о Графе и его покровителях, меняли все. Они превращали приказ Кузнецова из простого бюрократического самодурства в осмысленное, системное действие. Системе было что скрывать.

Это давало ему лазейку. Единственную. Если он сейчас начнет официально дергать за ниточку, ведущую к Орлову, его не просто уволят – его зареют. Затопчут в ворохе служебных расследований, обвинят в превышении полномочий и сотрут в лагерную пыль, как уже стирали многих неугодных. Но версия с бандитскими разборками... та самая, ко-

тору ему подsunул Орлов и в которую так охотно поверило начальство... она была его щитом. Его алиби. Он мог делать вид, что отрабатывает самый очевидный след. Он мог пойти к Графу, задавать вопросы, рыть землю, и для Кузнецова это будет выглядеть как тупое, упрямое неподчинение, но в рамках понятной ему логики. Он будет злиться, но не остановит. Не сразу. Потому что даже для системы смерть двух человек, связанных с одним криминальным авторитетом, выглядит как повод для проверки.

Найти Графа оказалось проще, чем он думал. Это было уже не то время, когда воры в законе прятались по малинам. Новая криминальная аристократия любила свет, показную роскошь и легальный фасад. Телефонный звонок старому осведомителю, просившему взамен не замечать его мелкую торговлю паленым коньяком в переходе, дал Павлову адрес. Не конспиративная квартира, не подвал. Ресторан «Ярославна» на Таганке. Бывший государственный кабаk с лепниной и дубовыми панелями, приватизированный и превращенный в штаб-квартиру одной из самых мощных группировок города.

«Ярославна» встретила его тяжелым басом из колонок и густым сигарным дымом. Запах денег здесь был почти осязаем – смесь дорогого парфюма, кожи, алкоголя и чего-то еще, неуловимого и хищного. Интерьер был чудовищным ги-

бридом купеческого размаха и цыганского барокко. На старинные дубовые панели налепили зеркала в золоченых рамах, под потолком с остатками советской лепнины висела хрустальная люстра размером с небольшой автомобиль, а на месте, где когда-то стоял рояль, теперь урчал аквариум, в котором лениво плавала акула. Настоящая, метровая, с мертвыми глазами хищника, запертого в стеклянной клетке. Она была идеальным символом этого места.

У входа его встретили двое. Широкие, бритые, в одинаковых черных костюмах, под которыми угадывались бронежилеты и оружие. Они не спрашивали, они смотрели. Взгляд их был тяжелым и пустым, как у рыбы в аквариуме.

– Мне нужен Граф, – сказал Павлов, не показывая удостоверения. Здесь оно было бесполезно, даже вредно. – Скажите, от мента с Петровки, по делу «Северного ветра».

Один из них молча скрылся за тяжелой портьерой. Второй остался, буравя Павлова взглядом. Капитан ждал, разглядывая публику. «Новые русские» в малиновых пиджаках, их спутницы с ярким макияжем и пустыми глазами, какие-то люди с цепкими, оценивающими взглядами, похожие на дельцов с биржи. Все они говорили громко, смеялись невпопад, сорили деньгами. Это был пир во время чумы, лихорадочный, отчаянный карнавал на руинах империи.

Вернувшийся охранник кивнул.

– Пройдемте.

Его провели не в общий зал, а по коридору, мимо кухни, откуда несло чесноком и перегретым маслом, к неприметной двери в конце. За ней оказался кабинет. Просторный, обшитый темным деревом, с огромным письменным столом из карельской березы, который, казалось, украли из кабинета какого-то сталинского наркома. На столе стоял малахитовый письменный прибор и телефон правительственной связи с гербом СССР. Абсурд был главной чертой этой эпохи.

За столом сидел Граф.

Павлов видел его фотографии в оперативных сводках, но живую он производил иное впечатление. Невысокий, плотный, лет пятидесяти. Лицо широкое, скуластое, с тяжелым подбородком и маленькими, глубоко посаженными глазами. Они были светлыми, почти прозрачными, и смотрели на мир с холодным, ленивым любопытством сытого волка. На нем был тот самый, ставший униформой, малиновый пиджак, но из дорогой ткани, белоснежная рубашка и массивный золотой перстень на мизинце. Он не курил сигару. Он медленно чистил апельсин маленьким ножом с перламутровой рукояткой. Движения его были точными и неторопливыми.

– Капитан Павлов, – произнес он, не поднимая головы. Голос был низким, с легкой хрипотцой. – Присаживайтесь. Давно у меня в гостях милиции не было. Скучно даже.

Павлов сел на стул напротив стола. Стул был неудобным, с прямой спинкой, явно поставленный для просителей.

– Я по делу, – сказал он.

– Все по делу приходят, – Граф отделил очередную дольку апельсина, положил ее на блюдце. – Только дела у всех разные. Ваше, я слышал, старое и пыльное. Как сундук покойной бабушки. «Северный ветер». Что же вы там откопали, капитан?

Он поднял на него глаза. Взгляд был прямым и абсолютно лишенным эмоций.

– Двоих покойников, – ответил Павлов. – Леонида Фомина и Григория Белова. Оба – учредители. Вы их помнили?

– Помнил, – Граф положил нож. – Фомин – суетливый был, жадный. Все пытался урвать больше, чем мог проглотить. Белов – просто алкаш. Таких помнишь, пока они тебе должны. Потом забываешь.

– Они были вам должны?

Граф усмехнулся, обнажив ряд ровных, неестественно белых зубов.

– Капитан, в этом городе все кому-то должны. Это новый закон природы. Эти фраера думали, что поймали бога за бороду. Думали, что если им дали поиграть с большими деньгами, то они тоже стали большими людьми. А они были просто... тарой. Упаковкой. Через них проносили товар, а они за это получали на чай. И были счастливы.

– А потом вы решили, что тара больше не нужна, и забрали товар себе.

– Я всегда беру то, что плохо лежит, – Граф взял дольку

апельсина, отправил в рот. Он жевал медленно, со вкусом. – Это мой принцип. Они плохо лежали. Суетились, привлекали внимание ваше, милицейское. Лавочку пришлось прикрыть. Я забрал свое. Не все, правда. Самое вкусное они успели где-то заныкать. Но я не жадный. Решил, что с паршивой овцы хватит и клока шерсти.

Это было важное признание. Он не знал про тайник. Или делал вид, что не знал.

– Фомин, похоже, решил вернуть «заныканное», – сказал Павлов, внимательно следя за его лицом. – Говорят, он искал на вас компромат.

Лицо Графа не изменилось. Только в светлых глазах мелькнуло что-то похожее на скуку.

– Этот идиот мог искать что угодно. Даже смысл жизни. Нашел бы – удивился. Капитан, давайте начистоту. Вы ведь не думаете, что я стал бы марать руки об это ничтожество? Из-за старых обид? У меня бизнес, у меня дела. У меня нет времени на сентиментальные путешествия в прошлое. Если бы Фомин реально представлял для меня проблему, он бы не дошел до своей подворотни. Он бы просто исчез. Тихо, без грязи и глупых улик. Как будто его и не было.

Он говорил правду. Павлов это чувствовал. Это была логика хищника. Убрать конкурента – да. Зачистить свидетеля – да. Но мстить мелкому мошеннику спустя три года – это было не в его стиле. Это было мелко, нерационально.

– А Белов? – продолжил давить Павлов. – Отравился па-

ленной водкой. Очень удобная смерть.

Граф пожал плечами.

– В нашей стране каждый день сотни людей травятся паленой водкой. Это называется естественный отбор. Слабые должны умирать. Он был слабым. Он умер. Все логично.

Он смотрел на Павлова с откровенной насмешкой. Он играл с ним. Он знал, что защищен, что у Павлова ничего на него нет, и наслаждался ситуацией. Дуэль, которую затеял капитан, превращалась в избиение.

– Кто-то очень хочет, чтобы я думал на вас, – сказал Павлов, меняя тактику. – Мне подсовывают вашу кандидатуру. Рассказывают, какой вы страшный и как все вас боятся. Вас используют как ширму, граф.

Он намеренно использовал его кличку, переходя на более неформальный, уличный язык. Это был рискованный ход. Граф мог вспылить. Но он лишь чуть склонил голову набок, и в его глазах впервые появился интерес.

– Ширму? – переспросил он. – Это интересно. И кто же этот смелый режиссер, который двигает мою фигуру по своей доске?

– Тот, кто остался в тени. Тот, кто был самым тихим в их компании. Тот, кто сейчас методично собирает то, что вы у них не забрали. Он убивает их по одному и оставляет следы, которые ведут к вам.

Павлов смотрел ему прямо в глаза, пытаясь уловить хоть малейшую реакцию. Граф молчал. Он взял еще одну дольку

апельсина, но в рот не положил. Вертел ее в толстых, ухоженных пальцах.

– Тихий, говоришь? – наконец произнес он. – Я помню там одного. Инженер какой-то. В очках. Все время с бумажками своими возился. Остальные орали, делили шкуру неубитого медведя, а этот сидел в углу, как мышь. Даже имени его не помню. Орлов, кажется. Он?

– Он, – подтвердил Павлов.

Граф хмыкнул. Он положил дольку обратно на блюдо. Аппетит, казалось, пропал.

– Мышь, значит, решила, что она – кошка. Бывает. В мутной воде и не такое всплывает. И что же ты от меня хочешь, мент? Чтобы я тебе помог эту мышь поймать? Из чувства справедливости?

– Я хочу, чтобы вы не мешали.

– А я и не мешаю. Мне нет дела до ваших мышиных разборок. Но, – он подался вперед, положив локти на стол, и голос его стал жестким, лишенным всякой игривости, – есть одно правило, капитан. Мое правило. На моей территории никто не устраивает войну без моего разрешения. Никто. Если этот твой тихий инженер решил порезвиться, он должен был прийти ко мне и спросить. Он этого не сделал. А это неуважение. Такое я не прощаю.

Он встал, подошел к аквариуму. Постучал костяшкой пальца по стеклу. Акула лениво дернулась, развернулась, показав ряд мелких, острых зубов.

– Знаешь, чем мышь отличается от волка, капитан? Волк убивает, чтобы есть. Чтобы выжить. Это честно. А мышь, когда дорывается до власти, убивает из обиды. Из-за того, что ее долго не замечали. Это самое страшное. В них нет понятий. Нет тормозов.

Он повернулся к Павлову.

– Я тебе ничего не говорил. Ты здесь не был. Но если ты найдешь этого... режиссера, передай ему от меня привет. Скажи, что Граф не любит, когда его имя используют в грязных играх. И что за такое неуважение спрос будет отдельный. Не по закону. По понятиям.

Это была не помощь. Это была индульгенция. И завуалированная угроза. Граф давал ему понять, что убирает свою фигуру с доски, предоставляя Павлову разбираться с Орловым самостоятельно. Но если капитан потерпит неудачу, или если расследование зайдет слишком далеко и заденет интересы самого Графа, спрос будет уже с него.

– Я вас понял, – сказал Павлов, поднимаясь.

– Сомневаюсь, – усмехнулся Граф. – Вы, менты, вообще плохо понимаете, как устроен новый мир. Вы все еще пытаетесь найти в нем логику. А ее нет. Есть только сила. У кого сила, тот и пишет правила. Сегодня он пишет, завтра – я. А послезавтра нас обоих в этом же асфальте закатают. И никто даже не вспомнит.

Он снова сел за стол и взял нож.

– Удачи в охоте на мышей, капитан. Только смотрите, что-

бы в процессе самому в мышеловку не угодить.

Когда Павлов вышел из кабинета, в общем зале ресторана стало тише. Десятки глаз проводили его до выхода. Он чувствовал эти взгляды спиной. Он был здесь чужим, аномалией, нарушителем их хищного, противоестественного порядка.

Снег на улице повалил еще гуще. Он мгновенно таял на тротуаре, смешиваясь с грязью, превращая мир в серо-бурю кашу. Павлов сел в холодную «Волгу». Разговор с Графом не дал ему ни одной улики, ни одного факта, который можно было бы пришить к делу. Но он дал нечто большее. Он дал подтверждение. Версия с бандитскими разборками была дымом, иллюзией, театральной декорацией, за которой убийца хладнокровно делал свою работу. Граф, со всей его силой, со всей его империей, был лишь одним из зрителей этого спектакля. Испуганным, как Крайнов. Мертвым, как Фомин и Белов. Он был частью старой истории, которую кто-то решил переписать с чистого листа.

Павлов завел двигатель. Теперь он знал наверняка: он один. Система его не поддержит. Бандиты ему не помогут. Он остался наедине с тихим, незаметным человеком, который оказался страшнее любого волка, потому что им двигала не жажда наживы, а старая, выдержанная, как яд, обида. И эта обида была бездонной.

Он выехал на Садовое кольцо. Дворники с трудом справлялись с мокрым снегом. Впереди, в белесой мгле, расплы-

вались огни города. Города, который не замечал его войны. Он сунул руку в карман и нащупал гладкий картон визитки. Он все еще не хотел ей звонить. Но теперь он понимал, что у него, возможно, не останется другого выбора. В этой игре ему нужен был союзник. Даже такой, которому нельзя доверять. Потому что самый страшный враг – тот, которого никто, кроме тебя, не видит. И этот враг уже готовился сделать следующий ход. На доске оставались еще две фигуры. Артамонов и Крайнов. И снег все падал, укрывая следы, заматывая прошлое, превращая Москву в огромное, белое кладбище, где северный ветер пел свою отходную по тем, кто уже был обречен.

Звонок из ниоткуда

Снег шел всю ночь. Он падал на город не как обещание чистоты, а как пепел, укрывающий поле боя после проигранного сражения. Павлов стоял у окна своей холостяцкой берлоги на седьмом этаже типовой башни, глядя, как белая пелена поглощает огни Москвы, размывает контуры, превращает уродливую геометрию спального района в призрачный, нереальный пейзаж. Встреча с Графом оставила после себя во рту привкус дорогого коньяка и дешевого предательства. Он вытряхнул из пачки последнюю «Приму», прикурил от почти сгоревшей спички и выдохнул дым на холодное стекло. Он был свободен. Свободен, как собака, с которой сняли ошейник, чтобы пристрелить в лесу без свидетелей. Кузнецов от него открестился, Граф умыл руки. Он остался один в вакууме, где не действовали ни законы, ни понятия. Где действовал только тихий человек в очках, методично собиравший свою кровавую жатву.

Он не ложился спать. Сон казался непозволительной роскошью, капитуляцией. Вместо этого он ходил из угла в угол по единственной комнате, служившей ему и спальней, и кабинетом, и столовой. Старый паркет скрипел под его шагами, как жалующийся старик. Он снова и снова прокручивал в голове разговор с Краиновым, с Графом, сопоставлял факты, искал трещины в монолитной, казалось бы, схеме Ор-

лова. Все было слишком гладко. Слишком логично. Четыре ключа, четыре жертвы. Пятый, самый умный, забирает банк. Классика. Но что-то в этой классической схеме его царапало, какая-то невидимая заноза, которую он не мог ни нащупать, ни вытащить.

В половине второго ночи, когда город окончательно затих, погрузившись в беспокойную, лихорадочную дрему, в прихожей оглушительно зазвонил телефон. Звук был таким резким, таким неуместным в этой густой, пропитанной снегом тишине, что Павлов вздрогнул. Он не ждал звонков. Ночью ему звонили только из дежурной части, когда в городе появлялся новый покойник. Но он был отстранен. Никто не должен был ему звонить.

Он медленно пошел в прихожую, не включая свет. Дисковый аппарат на стене, древний, как кости мамонта, дребезжал, будто в предсмертных конвульсиях. Он снял тяжелую бакелитовую трубку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.